

РЕЦЕНЗИИ

УДК 39+930.23

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/409-417

© Н.С. Мухаметшина

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОН.:
ВОРОНЦОВ В.С.,
МАРТЫНЕНКО А.В., ОРЛОВА
О.В. МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ,
УДМУРТИЯ: СОВРЕМЕННАЯ
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ. ЙОШКАР-ОЛА,
2021. 292 с.**

В рецензируемой монографии исследуется этноконфессиональная ситуация в трех финно-угорских республиках Российской Федерации: Марий Эл, Мордовии и Удмуртии.

В анализ включены статистические данные, законодательная база национальной политики, вопросы деятельности органов государственной власти в регионах и структура управления этнонациональной сферой, работа национально-культурных организаций в постсоветский период с акцентом на современность. Авторами представлены материалы социологических исследований, свидетельствующих о состоянии межнациональных и межконфессиональных отношениях в регионах. В рецензии отмечено высокое качество исследования, в основу которого положен метод подготовки аналитических докладов с рекомендациями органам государственной власти и местного самоуправления по предупреждению и разрешению межэтнической напряженности и конфликтов, утверждению российского самосознания и гражданско-го согласия в обществе.

Ключевые слова: межэтнические отношения, религия, национальная политика, социологические данные

Ссылка при цитировании: Мухаметшина Н.С. Рецензия на кн.: Воронцов В.С., Мартыненко А.В., Орлова О.В. Марий Эл, Мордовия, Удмуртия: Современная этноконфессиональная ситуация: монография. Йошкар-Ола, 2021. 292 с. // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 409–417.

В структурном плане монография «Марий Эл, Мордовия, Удмуртия: современная этноконфессиональная ситуация» делится на две главы: 1) «Межэтнические отношения», 2) «Конфессии и межконфессиональные отношения». В соответствии с географией исследования каждая глава состоит из трех параграфов. Продуманная и логически выстроенная структура позволяет воспринимать объемный и многоаспектный текст как единое целое. В первую очередь это относится к первой главе. Авторы самостоятельны в изложении материала, но в анализ ситуации всех трех республик включены статистические данные, законодательная база национальной политики, структура управления этнонациональной сферой, деятельность национально-культурных организаций в постсоветский период с акцентом на современность, анализ социологических данных, обзор исследований по тематике. Вторая глава более свободна в структурном отношении, видимо, в полной мере отражая исследовательские интересы авторов. В содержательном плане главы и параграфы соответствуют предложенной структуре. В монографию включены приложения и библиография.

Представляют интерес хронологически выстроенные обзоры процесса институализации этничности в двух финно-угорских республиках Российской Федерации. В Марий Эл процесс институализации этничности рассмотрен на примере новейшей истории Съезда марийского народа, учрежденного в апреле 1990 г. О.В. Орлова, автор материалов по Республике Марий Эл, отмечает, что «национальное движение в этот период было в основном направлено на расширение функций марийского языка, возрождение традиционной марийской религии, объединение финно-угорских народов и др.» (с.13). Особо выделен X Съезд марийского народа (апрель 2016 г.) По мнению автора, к этому времени можно констатировать консолидирующую роль Съездов марийского народа: «они сыграли ключевую роль в образовании государственности марийской нации» (с.16). С нашей точки зрения, в такой формулировке роль Съездов переоценивается. Более точным является следующее заключение автора: «Экспертное сообщество отметило, что проведение съездов народа мари способствует развитию общественно-политической жизни в Республике Марий Эл и придает импульс к «дальнейшей взаимной адаптации» органов государственной власти и институтов гражданского общества. Съезды служат переговорной площадкой для выработки предложений по совершенствованию деятельности заинтересованных органов исполнительной и законодательной властей различных уровней, местного самоуправления, а также общества в целом в решении задач, которые ставит этот представительный форум» (с. 17–18).

Формирование этнокультурного движения мордовского народа пришлось на конец 1980 – начало 2000-х гг. Автор материалов по Республике Мордовия А.В. Мартыненко называет три организации, которые актуализировали этнокультурное движение – это «Вельмема», «Вайгель» и «Масторава». Соглашаясь с оценкой историков В.А. Юрченкова и Ж.Д. Конищенко, автор отмечает, «что «Масторава» не только стояла у истоков мордовского национального движения, но и способствовала созданию своеобразного «протопартийного» поля, на основе которого впоследствии возникли другие этнополитические и этнокультурные организации – например, Съезды мордовского народа, Фонд спасения эрзянского языка» (с.39). Согласен автор и с уточняющей оценкой историка В.К. Абрамова, который отмечает, «что изначально состав «Масторавы» формировали люди, весьма отличающиеся по политическим взглядам, профессиональной направленности, уровню образования и культуры, что во многом

предопределило последующие острые дискуссии вокруг программных установок данной организации» (с.39). Добавим, что, как и в большинстве национально-территориальных образований СССР, а затем и Российской Федерации, радикальное крыло в национальном движении Мордовии выдвигало требования изменения государственно-административного статуса республики. Во второй половине 1990 – начале 2000-х гг. большинство этнокультурных и этнополитических движений мордвы встали на путь конструктивного сотрудничества с руководством Республики Мордовия. По справедливому замечанию В. Мартыненко, это «в немалой степени, было обусловлено поддержкой данных движений со стороны республиканской власти». Под эгидой республиканских властей прошло семь Съездов мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (с. 40).

Органы власти всех трех республик, представленных в монографическом исследовании, выстроили структуру управления этнонациональной сферой. Авторы дают характеристику современного состояния этнополитического менеджмента, затрагивая некоторые аспекты его становления в постсоветский период. (с. 9–10, 38–39, 62–64).

Подробно этот аспект освещен в параграфах, включивших материалы по Республике Марий Эл и Удмуртии. В Марий Эл функционируют отдел межнациональных и межконфессиональных отношений в структуре министерства культуры, печати и по делам национальностей; правительственная комиссия по реализации Концепции государственной национальной политики Республики Марий Эл, которую возглавляет Глава Республики; общественный Совет по делам национальностей при министерстве культуры, печати и по делам национальностей; на муниципальном уровне при администрациях городских округов и сельских муниципальных районов действуют муниципальные советы по делам национальностей. В Удмуртии это министерство национальной политики, при министерстве функционируют экспертно-консультативный совет, постоянно действующее совещание с участием руководителей общественных объединений национально-культурной направленности. Существует Общественный совет по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при Главе Удмуртской Республики. В Государственном Совете Удмуртской Республики функционирует Постоянная комиссия по науке, образованию, культуре, национальной и молодежной политике и спорту.

К сожалению, по Мордовии информация по структуре этнополитического менеджмента отсутствует. Автор ограничивается замечанием, что «в Мордовии осуществляет свою деятельность Общественная палата Республики Мордовия. Изначально она была совещательным органом при президенте республики, а с 2006 г. стала самостоятельной структурой, координирующей реализацию и развитие гражданской активности жителей региона. Приоритетным направлением ее работы остается защита прав и свобод граждан» (с. 38). Можно предположить, что в том числе и вопросами обеспечения этнокультурных запросов населения.

Авторы монографии не только подробно описывают состав национально-культурных организаций, их деятельность, но и анализируют результаты деятельности, обращаются к оценке практик взаимодействия общественности и государственных структур. Такой подход обеспечивает не только практическую, но и методологическую значимость монографии (с. 18–22, 39–43, 65–66).

Отдельный и весьма интересный сюжет монографии – состояние исследований по проблематике. При этом авторы обращаются только к социологическим исследо-

ваниям. Так, О.В. Орлова отмечает, что социологические исследования состояния этнокультурной и межнациональной сферы «предполагают системность и позволяют в дальнейшем проследить динамику развития межнациональных и межконфессиональных отношений в республике». «...Республика Марий Эл признана одним из немногих регионов Российской Федерации, где ведется столь качественный и последовательный социологический мониторинг» (с. 24, 32). В.С. Воронцов, автор материалов по Республике Удмуртия в свою очередь отмечает: «Своевременному выявлению и предотвращению проявлений конфликтных ситуаций в республике способствует налаженная система мониторинга этноконфессиональных отношений. На протяжении последних 20 лет в Удмуртии по заказу Миннаца ежегодно проводятся социологические исследования, позволяющие оценить состояние межэтнических и межконфессиональных отношений, оперативно реагировать на проблемные ситуации в данной сфере». (с. 66).

Параллельно с государственными службами в Марий Эл, Мордовии и Удмуртии осуществляют мониторинг эксперты Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) и Распределенного научного центра (РНЦ) по изучению межнациональных и религиозных проблем (руководитель – академик РАН В.А. Тишков). В основу работы положен метод подготовки аналитических докладов с рекомендациями органам государственной власти и местного самоуправления по предупреждению и разрешению межэтнической напряженности и конфликтов, утверждению российского самосознания и гражданского согласия в обществе. Авторы монографического исследования являются экспертами обеих научно-исследовательских организаций. Основное место в монографии отведено результатам и интерпретации исследований по программам EAWARN и РНЦ. В фокусе исследований, представленных в монографии, проблемы межнациональных (межэтнических) отношений и влияние инокультурной миграции на социальную атмосферу регионов.

По Республике Марий Эл приведены сравнительные данные опросов населения 2001 г., 2011 г., 2015 г., 2018 г. 2019 г. Автор ограничивается констатацией результатов ответов на вопросы о состоянии межнациональных отношений, возможности возникновения конфликтов и общим выводом В.И. Шабыкова (с. 25, 26). Конечно, можно предположить, что автор материалов по Марий Эл соглашается с выводом коллеги. Но поскольку и сам вывод несколько «зависает», так как не представлен алгоритм обоснования, то вопрос о его достоверности остается открытым.

Основательно проанализированы оценки жителей влияния миграции и инокультурных мигрантов на социальное самочувствие, на социальную атмосферу республики (с. 26-30). О.В. Орлова использует информацию Управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел по Республике Марий Эл, департамента труда и занятости населения Республики Марий Эл, межведомственной комиссии по вопросам привлечения и использования иностранных работников, материалы СМИ. Наиболее подробно рассмотрены результаты опроса, осуществленного в октябре 2019 г. по программе РНЦ (с. 32–36). Конкретно это вопросы конкуренции на рынке труда, спектр услуг, предоставляемый мигрантами местным жителям, влияние на рост цен, на преступность, отношение к соседству с мигрантами и совместному обучению детей, готовность получать информацию о культуре приезжих из других стран и др. О.В. Орлова снабжает результаты опроса комментариями, дополняет, как уже было отмечено выше, информацией официальных источников. Общий вывод о

том, что в республике «имеет место некоторое неприязненное отношение к мигрантам», «местное население не готово полностью принять мигрантов как добрых соседей и присутствуют некоторые антимигрантские настроения» (с. 36) не вызывает возражений. Достаточно убедителен и вывод, что «Республика Марий Эл в настоящее время может быть охарактеризована как территория, на которой межнациональные и межконфессиональные противоречия практически не выражены. Однако это не отменяет необходимости активной работы по мониторингу и профилактике этноконфессиональных противоречий» (с. 36).

Автор материала по Республике Мордовия, отмечая значительное влияние на общую картину межнациональных отношений миграционных процессов, обращает внимание на миграционный отток населения. Данная оценка подтверждена статистикой (с. 44–45). С другой стороны, рынок труда республики становится все более привлекателен для граждан ближнего и дальнего зарубежья (с. 46).

Характеристика состояния внешней миграции выстроена по группам (видам). Прежде всего это трудовая миграция, составляющая основной поток прибывающих в Мордовию иностранных граждан. По мнению А.В. Мартыненко, по отношению к этой части мигрантов со стороны местного населения «открытой, широко распространенной и агрессивной мигрантофобии не наблюдается» (с. 46). Однако в 2013 г. имел место «исключительный для Мордовии случай с нападением толпы подростков на общежитие узбекских рабочих» в поселке Чамзинка. На этом инциденте автор останавливается особо (с. 47). Подобных ситуаций в Мордовии больше не было. Опираясь на собственные наблюдения и мнение других исследователей, автор отмечает, что «имеет место определенная обособленность, отчужденность гастарбайтеров из Центральной Азии, которых в последние годы становится все больше в столице Мордовии. Действительно, они заметны на улицах, их можно встретить в принципе почти везде – в магазине, кинотеатре, городском парке... Но они держатся небольшими группами, подчеркнута вежливости, особенно со старшими, и в то же время, конечно, какого-то интенсивного общения с местным населением практически нет..., мигранты как бы живут своей «параллельной» жизнью, не интегрируясь в городской социум» (с. 47–48). И далее приводится мнение социолога Д.Б. Борисова, который связывает эти барьеры с рядом факторов социально-психологического свойства (с. 48). Соглашаясь с оценкой коллег, обратим внимание на влияние стандартов поведения выходцев из государств Центральной Азии, обусловленные особенностями этнокультуры и мезоструктурными контактами (См.: Мухаметшина 2015; Мухаметшина 2017; Мухаметшина 2019; Мухаметшина 2020).

Принципиально иная ситуация сложилась с беженцами с юго-востока Украины. Как замечает А.В. Мартыненко, этой группе «гораздо легче интегрироваться в местный социум, несмотря на свой уязвимый социальный статус беженцев, вследствие отсутствия глубоких языковых и культурных отличий с жителями Мордовии» (с. 48). Еще один вид внешней миграции – учебная миграция из стран дальнего зарубежья. Автор дает довольно подробную и интересную характеристику учебной миграции (с. 49–50). Летом 2018 г. в рамках чемпионата мира по футболу Саранск пережил интересный и, безусловно, позитивный опыт масштабной туристической миграции. Этот вид миграции также достаточно подробно рассмотрен автором (с. 51–52).

Также как в случае с Марий Эл подробно и убедительно рассмотрены результаты опроса, осуществленного в октябре 2019 г. по программе РНЦ (с. 52–62). Автор

делает вывод: «В целом мигрантофобия не является определяющей в общественном восприятии миграции в региональном социуме Республики Мордовии, данное восприятие колеблется от нейтрального отношения к иностранной трудовой миграции до позитивного отношения к миграции учебной или туристической, а если вспомнить о беженцах с Украины – можно назвать преобладающе сочувственное отношение к миграции вынужденной. Таким образом, Мордовия остается регионом с высокой степенью межэтнической толерантности, что в немалой степени обусловлено многовековыми традициями добрососедства населяющих ее народов – прежде всего, русских, мордвы и татар» (с. 62–63).

В.С. Воронцов, характеризуя межэтническую ситуацию в Удмуртии, использует результаты социологических опросов, выполненных государственными службами (2000–2018 гг.). Представлены индикаторы, которые определили программу мониторинга межнациональных отношений и особенностей межэтнического взаимодействия. Это – оценки населением межнациональной обстановки в целом по стране и в Удмуртии; мнение о возможных причинах обострения межнациональных отношений в республике; стратегии в межэтнических коммуникациях (готовность принять человека другой национальности как жителя республики, партнера в трудовом коллективе, близкого друга); масштабы распространенности этнической неприязни среди населения республики. (с. 73). Автор основательно представляет и анализирует результаты многолетних опросов. Опросы осуществлялись фактически по единой программе, включая некоторые уточнения в связи с запросами политической ситуации, что дало автору возможность рассмотреть ключевые явления в динамике. В итоге определена динамика этнополитической ситуации, реперные точки, пики ксенофобских настроений.

В частности, по мнению В.С. Воронцова, которое автор рецензии полностью разделяет, первый пик ксенофобских настроений в региональном сообществе пришелся на 2005 г. (с. 92), второй – на 2013 г. (с. 97). Весьма убедительно выглядят обоснования общественных настроений. Так, автор отмечает, что в Удмуртии изменилась этническая структура населения. Не только в городах, но и «в районных центрах появились общины азербайджанцев, армян, чеченцев, таджиков и других представителей со своими социально-экономическими и этнокультурными проблемами и интересами. Представители новых для региона этнических общин занимают в экономической инфраструктуре районов весьма заметное положение, они оперативно взяли под контроль сферу торговли, предприятия малого бизнеса, лесопереработку и др. Их напористость, своеобразные обычаи и образ жизни далеко не всегда нравятся местному населению, особенно в тех случаях, когда нарушаются законы и привычный уклад жизнедеятельности» (с.95). Справедливо отмечено, во-первых, что ксенофобские настроения обусловлены и другим фактором, а именно: общим ухудшением морально-нравственной обстановки в российском обществе и формированием негативного образа «лиц кавказской национальности» и «преступников-мигрантов» (с. 96). Во-вторых, что «ксенофобские воззрения распространены, прежде всего, среди части молодежи и людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации (с. 103).

Достоинством монографии можно считать рекомендации, которые авторы обращают, прежде всего, к органам власти и управления.

Перейдем к рассмотрению второй главы «Конфессии и межконфессиональные отношения».

О.В. Орлова оперирует данными социологических опросов, демонстрирующих изменения массового сознания жителей Марий Эл в течении 25 лет (с. 106–107). Опрос 1994г., зафиксировал 43% ответов респондентов, считающих себя верующими (религиозными) людьми. В 2004 г. таких было зафиксировано вдвое меньше (21,3%). Спустя десятилетие численность верующих выросла без малого в два раза и стабилизировалась: опрос 2015 г. зафиксировал почти 75% респондентов, считающих себя верующими, 2018 – свыше 74%, 2019 – 71%, Автор, отмечая положительное отношение жителей республики к процессу возрождения различных религий, справедливо полагает, что в первую очередь, в этом видели возможность свободно исповедовать религиозные учения и получать информацию на религиозные темы. В том числе примерно треть респондентов положительно оценивали возрождение языческой (марийской) религии (1994 г. и 2004 г.), Респонденты, участвующие в опросах 2004г. и более поздних, отмечали, «что межконфессиональная ситуация в республике в целом спокойная, но не исключали возможность возникновения конфликтов» (с. 108).

В параграфе по Марий Эл представлены практики взаимодействия органов власти и религиозных объединений в рамках Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при главе республики (с. 110–112). Представлена системная и достаточно подробная информация по конфессиям, имеющим зарегистрированные приходы либо общины на территории Марий Эл (с. 113–119).

А.В. Мартыненко, характеризуя в целом конфессии, действующие на территории Республики Мордовия, отмечает: «Конфессиональный ландшафт Республики Мордовии отличается большим разнообразием: есть протестантские церкви и общины (баптисты, адвентисты, лютеране, пятидесятники, а также свидетели Иеговы, запрещенные российским законодательством), кришнаиты, езиды, иудеи, бахаи и др. Однако наиболее влиятельными конфессиями является Русская православная церковь, представленная Мордовской митрополией, и мусульманская умма (община)» (с. 120).

Далее автор представляет подробный материал о деятельности Русской православной церкви на территории республики в постсоветский период, с экскурсами в историю советского периода (с. 120–127). Подробно рассмотрены структура мусульманской уммы, деятельность и взаимоотношения трех муфтиятов, зарегистрированных на территории Мордовии (с. 127–131). Согласимся с мнением автора, что между соперничающими муфтиятами Мордовии нет каких-либо догматических или культовых различий, а «умму Мордовии разделили личные амбиции отдельных духовных лидеров. Конструктивный выход из сложившейся ситуации возможен при достижении компромисса между противостоящими сторонами, и республиканские власти вполне способны выступить здесь в качестве посредника» (с. 128).

В.С. Воронцов отмечает, что в постсоветский период «конфессиональное пространство Удмуртской Республики претерпело значительные изменения, обусловленные различными факторами внешнего и внутреннего характера: особенностями глобальных социально-политических и экономических трансформаций общероссийского масштаба, бурными процессами в религиозной сфере, в развитии государственно-конфессиональных и этнокультурных отношений» С 1991 г. по 2019 г. количество религиозных организаций, зарегистрированных в Удмуртии, увеличилось более, чем в 5 раз (с. 133). Представляет интерес сводная таблица по составу и количеству религиозных организаций, зарегистрированных на территории Удмуртии в указанный период времени (с. 134).

Автор достаточно подробно освещает структурные преобразования Русской православной церкви и мусульманских организаций (с. 135–137, 139–141). Представлены материалы по старообрядчеству, протестантизму, иудаизму, буддизму, другим религиозным организациям (с. 138, 141–145). Таким образом развернут тезис о существенных переменах в религиозной жизни и в структуре конфессионального пространства. Отметим общую оценку ситуации в конфессиональной сфере, сформулированную В.С. Воронцовым: «Многообразный спектр религиозных объединений стал основой борьбы за лидерство в духовной сфере, за привлечение на свою сторону представителей власти и общественности. Определяющее значение, помимо внутренних процессов, имел внешний фактор – открытость Российского государства для масштабного миссионерского «вторжения» извне. Именно «миссионерский бум» и породил дискуссию о «традиционных» (исторически укорененных, социально значимых) и «нетрадиционных» (чужеземных и чужеродных) религиозных объединениях. При всей своей политизированности данная проблематика имела под собой реальную основу, вполне отражающую особенности общероссийского и регионального менталитета» (с. 145).

В материалах по Удмуртии активно используются результаты социологических опросов, размещенных в разделе «Конфессиональная идентичность и уровень религиозности населения». Точкой отсчета стали результаты массового опроса 1979–1980 гг., выполненного сотрудниками Удмуртского научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР совместно с Институтом этнографии АН СССР (с. 146). Представляет интерес подготовленная автором сводная таблица по уровню и типологии религиозности населения Удмуртии, в которую включены данные опросов за 2002 г., 2010 г., 2016 г. (с. 148). Программа опроса 2016 г. позволила проследить этноконфессиональный и возрастной аспекты, что дополнило практическую значимость исследований (с. 149–150). Очень интересны в научном и практическом плане результаты и интерпретация вопросов, направленных на определение степени и формата религиозности представителей трех этнических групп республики (русские, удмурты, татары) (с. 152–154).

Отдельный раздел посвящен деятельности религиозных организаций в последние годы (155–162).

В Заключении авторы монографии приводят рекомендации органам власти и общественным институтам, подготовленные экспертами Распределенного научного центра по результатам этномониторинга в регионах Приволжского федерального округа в 2019 г. (с. 164–174). Выход в рекомендательной части за географические рамки монографического исследования представляется логичным и оправданным. Тем самым практическая направленность работы, которая прослеживалась в тексте неоднократно, приобретает конкретные формулировки. В этом же плане отметим Приложение, в котором представлены законодательные акты соответствующей тематики.

Научная литература

Мухаметшина Н.С., Кандауров С.П., Явкин Н.В. Стратегии освоения регионального социума мигрантами из постсоветских государств: монография / под ред. Н.С. Мухаметшиной Самара: изд-во СамНИЦ РАН, 2015.

Мухаметшина Н.С. Культура повседневности» в контексте интеграции мигрантов из стран Закавказья // Самарский научный вестник, 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 198–201.

Мухаметшина Н.С. Традиционная культура мигрантов из государств Центральной Азии в контексте интеграционных практик // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 4 (23). С. 218–221.

Мухаметшина Н.С. Религиозные практики выходцев из государств Закавказья и Центральной Азии // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки, 2020. Т. 2. № 3. С. 110–116.

Mukhametshina, Natalya S.

Book Review: Vorontsov V.S., Martynenko A.V., Orlova O.V. Mari El, Mordovia, Udmurtia: The Modern Ethno-Confessional Situation. Yoshkar-Ola, 2021. 292 p.

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/409-417

The monograph examines the ethno-confessional situation in three Finno-Ugric republics of the Russian Federation: Mari El, Mordovia, and Udmurtia. The analysis covers statistical data, the legislative base of national policy, the activities of state authorities in the regions, the management of the ethnonational sphere, and the work of national cultural organizations in the post-Soviet period with an emphasis on modernity. The authors present the results of sociological studies on the interethnic and inter-confessional relations in the regions. This high-quality study is based on the analytical reports with recommendations to state authorities and local governments on preventing and resolving interethnic tensions and conflicts, asserting Russian national identity and social harmony.

Keywords: *interethnic relations, religion, ethnic policy, sociological data*

For Citation: Mukhametshina, Natalya S. 2021. Book Review: Vorontsov V.S., Martynenko A. V., Orlova O.V. Mari El, Mordovia, Udmurtia: The Modern Ethno-Confessional Situation. Yoshkar-Ola, 2021. 292 p. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 409–417.

Author Info: Mukhametshina, Natalya S. – Dr. (Hist.), Professor, Samara State Technical University (Samara, RF). E-mail: nmukhametshina@mail.ru

Referenses

- Mukhametshina, N.S., S.P. Kandaurov, and N.V. Iavkin. 2015. *Strategii osvoeniia regional'nogo sotsiuma migrantami iz postsovetskikh gosudarstv: monografiia* [Strategies for the development of regional society by migrants from post-Soviet states: monograph], edited by N.S. Mukhametshina. Samara: izdatel'stvo Samarskii nauchnyi tsentr RAN.
- Mukhametshina, N.S. 2017. Kul'tura povsednevnosti' v kontekste integratsii migrantov iz stran Zakavkaz'ia [Culture of everyday Life" in the context of integration of migrants from the Transcaucasian countries]. *Samarskii nauchnyi vestnik* 6 (4–21): 198–201.
- Mukhametshina, N.S. 2019. Traditsionnaia kul'tura migrantov iz gosudarstv Tsentral'noi Azii v kontekste integratsionnykh praktik [Traditional culture of migrants from Central Asian States in the context of integration practices]. *Samarskii nauchnyi vestnik* 8 (4–23): 218–221.
- Mukhametshina, N.S. 2020. Religioznye praktiki vykhodtsev iz gosudarstv Zakavkaz'ia i Tsentral'noi Azii [Religious practices of immigrants from the states of Transcaucasia and Central Asia]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Istoricheskie nauki* 2 (3): 110–116.